

АНАСТАСИЯ
МИЛЛЮР

ПЛЕННИЦА
Его величества

Анастасия Миллюр

Пленница Его величества

«Литнет»

2025

Миллюр А.

Пленница Его величества / А. Миллюр — «Литнет», 2025

Я очнулась в клетке — в теле женщины, приговорённой к казни за покушение на Императора. Но меня не убили. Меня выставили на аукцион, как редкий, опасный товар. И кто-то предложил за мою жизнь баснословную сумму. Он не задал ни одного вопроса. Не захотел знать моего имени. Просто посмотрел — и забрал. Теперь я его пленница. Он не верит мне, но хочет докопаться до правды. Он не прикасается ко мне — и именно этим сводит с ума. Я должна выяснить, кто подставил прежнюю хозяйку тела, пока он не решил, что игра окончена. Пока не сломал меня сам. Я — пленница Его Величества. И его близость может оказаться опаснее приговора.

© Миллюр А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

ГЛАВА 1

Я проснулась в клетке.

Сначала была тьма. Не мягкая и уютная, как перед сном, а тяжелая, вязкая, как окутавший сознание табачный дым. За ней пришёл запах — терпкий, затхлый, с примесью железа и чего-то прогорклого. Он казался липким, въедливым, как будто проникал под кожу. А потом — звуки. Далёкие сначала, приглушённые, словно сквозь воду: голоса, гул, скрип дерева, глухие удары металла. Всё это медленно складывалось в реальность.

Я попыталась вдохнуть — и закашлялась. Пальцы сжались, ощупывая пол под собой. Он был холодным, шероховатым, где-то липким. Я открыла глаза, и первое, что увидела — прутья. Толстые, металлические, местами обмотанные ржавыми кольцами. За ними — свет, много света, слишком яркого. Я прищурилась. Постепенно очертания стали чётче.

Я была на сцене — приподнятая деревянная платформа с металлическими клетками, выставленными, как товарные ряды на базаре. Напротив — множество глаз. Сотни глаз сверкали в полумраке, как у ворон, почуявших падаль. От них веяло алчностью. Похотью.

Я судорожно втянула воздух, ощущая, как задыхаюсь. Пыль. Пот. Жар. Я не знала, кто я. Не знала, как сюда попала. Но знала точно — это тело чужое. Оно не подчинялось. Не отзывалось.

Я с трудом встала на колени, шатаюсь. Руки дрожали. Почему я здесь? Где я?

— Очнулась, — пробормотал кто-то сбоку. Голос был хриплым, женским.

Я резко повернулась. В соседней клетке — женщина, иссохшая, с включенными седыми волосами. Её глаза сверкнули, когда она посмотрела на меня.

— Лот номер семь, — сказала она, усмехнувшись. — Повезло тебе, красавица.

Я открыла рот, но не успела задать ни одного вопроса.

— Лот номер семь! — раздался голос сверху, звонкий, постановочный. — Женщина. Приговорена к смерти за покушение на Его Величество Императора. Но по милости Закона Двойной Луны может быть помилована, если найдёт покупателя. В случае отсутствия интереса — публичная казнь на закате.

Я застыла.

Казнь? За покушение? Какое, к чертям, покушение?

Я попыталась заговорить, но голос предал меня. Из горла вырвался лишь сиплый шепот. Я сжала руки в кулаки. Что происходит?

Я не помнила, как здесь оказалась. Я не помнила, как выглядела. Я не помнила даже своего имени.

Но где-то в глубине — как тихая, упрямая искра — жила уверенность: это тело не моё.

Я не знала, кто я. Не знала, как сюда попала. Но точно знала, чего не хочу.

Остаться в этой клетке.

Ждать, пока кто-то решит, что я стою его времени и денег.

Я не знала как, но выберусь. Во что бы то ни стало.

Где-то вдалеке зазвучал гонг — глухой, протяжный, будто отсчитывающий последние часы. Толпа напротив сцены оживилась. За решётками стояли и другие клетки, их я раньше не замечала — с женщинами и мужчинами, кто-то сидел, кто-то лежал, кто-то всматривался в зал с обречённым спокойствием.

— Обратите взоры налево! — с надрывом закричал голос сверху. — Лот номер семь! Молодая. Без семьи, но с родословной и редкой красотой!

Толпа хмыкнула. Пошли выкрики.

— Слишком худая!

— Как яростно смотрит! Не сломленная. Это редкость!

Смотрела я, быть может, яростно, но внутри всё сжималось от ужаса и унижения. Я чувствовала на себе десятки взглядов — оценивающих, пренебрежительных, голодных. Они не знали, кто я. Но уже решили, что имеют право обсуждать меня вслух, как мясо на базаре. Мне хотелось спрятаться, исчезнуть, но тело не слушалось. Я сидела, стиснув зубы, и только взгляд оставался прямым — упрямым, полным ярости.

Откуда-то вдруг пришло знание — я уже работала с подобными ублюдками. Главное, не показывать страха.

— Отводится пять минут, — возгласил глашатай, возвышая голос над шумом зала. — Если никто не пожелает сделать ставку, свершится воля Имперского Совета. Приговор будет приведён в исполнение на закате.

Я ощутила, как затряслись пальцы. Времени почти не оставалось, и с каждой минутой надежды становилось всё меньше. Никто не спешил выкупать потенциальную убийцу императора — слишком опасно, слишком сомнительно. Но сдаться — значило признать приговор. Я выпрямилась, насколько позволяли дрожащие ноги, подняла голову и впиалась взглядом в толпу.

Если уж мне суждено умереть, пусть хотя бы взглянут в глаза тому, кого желают казнить. А если в зале найдётся хоть один враг трона — возможно, у меня даже будет шанс. Я не стану умолять. Не стану унижаться. Но и не склоню головы. Свой путь я выберу сама — даже если он ведёт напрямиком в пасть чудовища.

Толпа гудела, словно улей. Чужие голоса сливались в сплошной гул, в котором я уже не различала слов. Всё тело будто налилось тяжестью. Я ощущала себя на краю бездны — и не знала, сорвусь ли в следующую секунду.

И вдруг наступила тишина. Резкая, как удар.

Кто-то медленно поднялся с заднего ряда. Серебряная печать на чёрной перчатке блеснула в воздухе.

— Кто это? — прошептала я, не отводя взгляда от фигуры, медленно поднимающейся в глубине зала.

— Не знаю... — ответила соседка. — Но перчатка с печатью — знак приближённых. Богач или посланник двора.

Мужчина был высок, облачён в тёмное, без излишеств, с капюшоном, который скрывал большую часть лица. Виден был только подбородок — твёрдый, с чёткой линией, словно выточенный из камня, без намёка на мягкость. В руках — трость, что выглядела скорее как знак статуса, чем необходимость.

Он не смотрел на других. Только на меня.

Меня пробрала дрожь — не от холода, не от страха. Скорее... предчувствие.

Он двигался спокойно, точно знал, чего хочет. Я не могла оторваться — будто он уже держал меня на цепи.

Он поднял табличку. Без колебаний.

И этим изменил всё.

— Пятьсот золотых, — произнёс он негромко, но голос разнёсся по залу, как удар в гонг. — За лот номер семь.

Толпа замерла. Даже глашатай запнулся, не сразу найдя, что сказать.

— Абсурд! — высказался кто-то в зале. — За такие деньги обычно покупали поместья, а не приговорённых к казни женщин.

— Пятьсот золотых за лот номер семь! — выкрикнул глашатай, будто спохватившись и испугавшись, что объявившийся покупатель передумает. — Имеется ли иное предложение?

Наступила тишина. Никто не осмелился возразить. Сумма обжигала слух, как пламя.

— Раз... — торопливо начал он. — Два...

— Вот бы и меня кто так купил, — прошипела соседка, с завистью глядя в мою сторону.
— Пусть даже в гарем, лишь бы не в яму.

— Три! Лот номер семь — продана! — выкрикнул глашатай, и его голос дрогнул от волнения.

Толпа зашумела — кто-то свистнул, кто-то издевательски захлопал, кто-то бросил обиженное: «Деньги на ветер!»

Я осталась сидеть в клетке, не в силах поверить в происходящее. Меня купили. Не просто выбрали — за меня заплатили сумму, которая могла бы обеспечить целую деревню на годы вперёд.

Меня не радовала эта мысль. Внутри — всё будто закрутилось тугим узлом. Меня не спасли. Меня купили. Словно я — редкая вещица, выставленная на витрине.

Страх, злость, растерянность — всё боролось внутри. И поверх этого — непрошенная мысль: кто он такой? Зачем ему я?

Я была всё той же приговорённой к казни, только с отсрочкой, прикрытой вуалью роскоши. Гарем... Как поэтично звучит. Шелковые подушки, вкусные кушанья, благовония и нежные прикосновения. Но я не обманывалась. Это означало только одно — я должна буду спать с тем, кто меня купил. Быть его утешением, его игрушкой, его собственностью. Золочёные стены, в которых я всё равно останусь пленницей. Может, и не убьют сразу — будут ждать, когда сама сломаюсь. Но сейчас выбора нет. Новый *хозяин* — путь за пределы клетки.

Мой шанс.

— Поднять! — отдал команду глашатай.

Два стражника подошли к моей клетке, открыли дверь и жестом велели выйти. Ноги будто одеревенели, но я поднялась. Хотя меня шатало, я постаралась идти ровно. Стражник хотел было схватить меня за локоть, однако я отдернула руку прежде, чем он коснулся. Его брови приподнялись, но он не стал настаивать.

Я шла сама, стараясь не споткнуться, с высоко поднятой головой — хотя внутри всё сжималось от страха и слабости. И с каждым шагом я чувствовала взгляд *хозяина* — холодный, пронзительный, следящий за каждым моим движением. Он не отрывал глаз. И это странным образом поддерживало: если он следит, значит, я важна. Или опасна. А может, и то, и другое одновременно.

Шатаясь, я вышла на деревянный настил. Зал взорвался перешёптыванием, хихиканьем и сдавленными замечаниями. А тем временем один из стражников протянул ко мне руку с металлическим обручем, собираясь защёлкнуть его у меня на шее.

Ошейник. Это был - черт его побери - ошейник!

Я подняла на стражника взгляд — прямой, холодный, почти хищный. В нём не было мольбы. Только предупреждение: тронь — и пожалеешь.

Он замер, прищурился, будто оценивая, стоит ли связываться. Затем, не сказав ни слова, протянул ошейник мне.

А где-то там, в зале, мой *хозяин* чуть склонил голову. Он не двинулся с места, не выдал ни жеста, ни слова — но я чувствовала, как его внимание заострилось. Моя реакция заинтересовала его. Он наблюдал — и, кажется, был заинтригован.

Холод металла обжёг ладони. Низкий, узкий, с выгравированной печатью. И я застегнула его на шее, медленно, не опуская глаз и не склоняя головы, будто надевая корону, а не клеймо.

Я приняла клеймо — но это не покорность. Это — маска. И я знаю, как их носить.

Зал ответил гулом. Шёпот стал громче, острее. А я стояла, сжав зубы, не позволяя себе ни страха, ни отвращения. Я не знала, зачем им это — знак собственности? Меры безопасности? Символ? Но ощущение ледяной стали на горле стирало всё лишнее. Теперь я принадлежала *ему*. По закону.

Мой новый *хозяин* все еще наблюдал за мной, но он не пошёл ко мне. Только смотрел.

И мне вдруг показалось — я стою не на сцене, а на вершине трона.

Но если я — королева... Почему на мне ошейник?

Глашатай махнул стражам, и те повели меня вниз, вглубь здания. Я слышала их слова, оброненные на ходу:

— Умыть. Накормить. Доставить в покои ожидания.

Меня не собирались отдавать ему сразу. И от этого становилось только тревожнее.

Я знала — это только передышка. Перед следующим падением.

И он... он наверняка это знал тоже.

ГЛАВА 2

Меня вели по коридору. Шаги отдавались гулким эхом, как отбойный молоток в висках.

«Пятьсот золотых...» — всё ещё звучало в голове, будто приговор.

Он не кричал. Не торговался. Только смотрел. И это настораживало больше, чем крик и злоба толпы. Так себя ведут те, кто привык получать подчинение одним взглядом. Как тот банкир, что вёл себя подчёркнуто вежливо, но пальцы его дрожали, когда я спросила про девочку с ожогами. Он тоже не кричал. Просто ждал, когда я признаю его власть. Но тогда — как и сейчас — я видела больше, чем он хотел показать. Таких я уже встречала. За стеклом допросной. И ни один из них не признавал себя монстром. Мой *покупатель* не касался меня. Но всё тело знало: прикосновение будет — вопрос времени.

Я споткнулась о щербатую плиту, но стражники даже не дернулись в мою сторону. Бесчувственные. Омертвевшие изнутри.

Мертвыми были не только они. Воздух коридора был холодным и пах землей. Я будто оказалась внутри каменного гроба, но лучше так, чем душную и липкую атмосферу аукциона.

Мы остановились перед массивной дверью, украшенной резьбой в виде извивающихся лоз. Один из охранников коротко стукнул, и почти сразу дверь распахнулась.

Внутри царил полумрак, пахло мылом, цветами и чем-то резким, чуть сладким. Меня втокнули внутрь — и оставили.

Комната была большой, с высоким потолком. В центре стояла круглая купель, из которой поднимался лёгкий пар. Возле неё уже ожидала молодая девушка — в простой серой тунике, с опущенными глазами и аккуратно сложенными на животе руками.

Она не сделала ни одного движения, пока я стояла, растерянно озираясь, а потом негромко произнесла:

— Следуйте за мной, госпожа.

«Госпожа?» Я чуть не рассмеялась. Какая я им госпожа, с ошейником на шее и следами грязи на ногах? Но промолчала и пошла за ней.

Девушка жестом указала на скамью у купели:

— Прошу вас раздеться. Вода ещё тёплая.

Я с сомнением посмотрела на неё, но решила, что хуже уже не будет. Вода действительно была тёплой и приятно пахла чем-то травяным. Я погрузилась по плечи и невольно выдохнула с облегчением — за долгие часы впервые ощутила хоть что-то близкое к комфорту. Но он был не слишком долгим.

— Ай! — вырвалось из меня, когда служанка слишком сильно и резко потянула за спутанные волосы.

— Простите, госпожа... — извинение прозвучало отстраненно.

Слишком отстраненно.

Я заставила себя расслабиться, чтобы не выдать того, что уже раскусила ее.

— Ты давно здесь служишь? — спросила я, чтобы разрядить напряжение.

Девушка вздрогнула, перебирающие волосы пальцы замерли.

— Нет, госпожа, — коротко ответила она.

Движения её вновь изменились — одна рука больше не касалась волос и явно была занята чем-то другим. Краем глаза я уловила движение слева от себя и, не раздумывая, развернулась в воде, перехватив запястье девушки. Она попыталась вырваться, но я сжала её руку изо всех сил.

— Что ты задумала? — прошипела я, вглядываясь в её побледневшее лицо.

Меня вели по коридору. Шаги отдавались гулким эхом, как отбойный молоток в висках. «Пятьсот золотых...» — всё ещё звучало в голове, будто приговор.

Он не кричал. Не торговался. Только смотрел. И это настораживало больше, чем крик и злоба толпы. Так себя ведут те, кто привык получать подчинение одним взглядом. Как тот банкир, что вёл себя подчёркнуто вежливо, но пальцы его дрожали, когда я спросила про девочку с ожогами. Он тоже не кричал. Просто ждал, когда я признаю его власть. Но тогда — как и сейчас — я видела больше, чем он хотел показать. Таких я уже встречала. За стеклом допросной. И ни один из них не признавал себя монстром. Мой покупатель не касался меня. Но всё тело знало: прикосновение будет — вопрос времени.

Я споткнулась о щербатую плиту, но стражники даже не дернулись. Бесчувственные. Омертвевшие изнутри.

Мертвыми были не только они. Воздух коридора был холодным и пах землёй. Я будто оказалась внутри каменного гроба, но лучше так, чем душная, липкая атмосфера аукциона.

Мы остановились перед массивной дверью, украшенной резьбой в виде извивающихся лоз. Один из охранников коротко стукнул, и почти сразу дверь распахнулась.

Внутри царил полумрак, пахло мылом, цветами и чем-то резким, чуть сладким. Меня втолкнули внутрь — и оставили.

Комната была большой, с высоким потолком. В центре стояла круглая купель, из которой поднимался лёгкий пар. Возле неё уже ожидала молодая девушка — в простой серой тунике, с опущенными глазами и аккуратно сложенными на животе руками.

Она не сделала ни одного движения, пока я стояла, растерянно озираясь, а потом негромко произнесла:

— Следуйте за мной, госпожа.

«Госпожа?» Я чуть не рассмеялась. Какая я им госпожа, с ошейником на шее и следами грязи на ногах? Но промолчала и пошла за ней.

Девушка жестом указала на скамью у купели:

— Прошу вас раздеться. Вода ещё тёплая.

Я с сомнением посмотрела на неё, но решила, что хуже уже не будет. Вода действительно была тёплой и приятно пахла чем-то травяным. Я погрузилась по плечи и невольно выдохнула с облегчением — за долгие часы впервые ощутила хоть что-то близкое к комфорту. Но он был не слишком долгим.

— Ай! — вырвалось из меня, когда служанка слишком резко потянула за спутанные волосы.

— Простите, госпожа... — извинение прозвучало отстранённо. Слишком отстранённо.

Я заставила себя расслабиться, чтобы не выдать того, что уже чувствовала. Подозрение. Что-то было не так.

— Ты давно здесь служишь? — спросила я, как бы между прочим.

Она вздрогнула. Её пальцы продолжали перебирать волосы, но вторая рука, я заметила, исчезла под водой. Движения изменились. Линия плеч — напряжённая. Внимание — рассеянное. Я видела это раньше. Много раз.

Краем глаза я уловила движение слева. Не успела.

Острая боль вспыхнула в боку — не глубокая, но резкая, будто комар укусил в упор. Я дёрнулась, резко обернулась и перехватила запястье служанки. В её пальцах — тонкая игла, с потемневшим наконечником.

— Что ты задумала? — прошипела я, сжимая её руку.

Та молчала, прикусывая губу. В глазах плескался страх... и что-то ещё. Ненависть?

Я выбралась из воды, тело дрожало от холода и адреналина, но я заставила себя выпрямиться. У края купели, в зеркале, я впервые увидела себя. Лицо чужое... и в то же время странно знакомое.

Я разжала её руку. В голове пульсировало странное ощущение — как будто мир чуть качнулся, дно купели поплыло, а стены отодвинулись.

— Я должна была закончить то, что началось, — выдохнула она. — Ты... я думала, ты виновата, но это было ложью. Я должна была убить. Так велено. Чтобы не осталось никого, кто знает больше, чем следует. Чтобы они не услышали то, что ты помнишь. Или что можешь вспомнить. Ты должна была умереть, не дожив до завтрашнего утра...

— Кто отдал приказ? — Я уже знала ответ, но хотела услышать это вслух.

Она не ответила. Но взгляд её сказал всё.

Я отступила. Я только что избежала смерти — или нет? Что это была за игла? Что за яд?

И вдруг — вспышка. Комната допросов. Свет. Запах кофе. Мужчина. Ложь. Признание.

Я моргнула. Пальцы всё ещё дрожали. Сердце грохотало.

— Как тебя зовут? — спросила я ровно.

— Илина, госпожа, — дрогнувший голос.

— Помоги мне закончить омовение, Илина. Я, как видишь, ещё не умерла. А это уже кое-что, не так ли?

Нельзя показывать тревоги. Я должна владеть ситуацией, но мысли снова и снова возвращались к игле и вставали в горле острым комом. Я не знала, что за яд попал в мою кровь. Но кое-что я знала точно: это был не смертельный яд, а крюк. И кто-то уже тянул за верёвку.

Девушка осторожно приблизилась, снова заняв место за моей спиной. Но я чувствовала — её дыхание стало чаще, руки чуть дрожали. Она не понимала, почему я так спокойно разговариваю после того, что произошло. Видимо, ожидала совсем другой реакции... Но я не собиралась показывать слабости.

— Кто отдаёт тебе приказы, Илина? — произнесла я мягко, но взгляд не опускала. — Хотя, знаешь... Мне кажется, вопрос стоит задать иначе. — Я выдержала паузу, внимательно наблюдая, как напряглись её плечи. — Ради близких мы готовы на всё.

Мой голос стал тише, почти интимным, будто я разделяла её боль.

— Кого они у тебя забрали? Родителей? Детей? Брата... или сестру?

Плечи девушки вздрогнули. Я заметила, как её пальцы судорожно сжали ткань на коленях, а в дыхании появилась резкая неровность. Её губы дрогнули, и хотя она молчала, я уже знала — удар попал точно в цель.

Я позволила себе помолчать, оставляя её наедине с этим выбором, будто давая право не говорить — и именно этим провоцируя её на исповедь. Люди редко выдерживают тишину, когда в душе уже всё надломлено.

Наконец, сдавленный голос прорезал напряжённое пространство между нами:

— Брата... Младшего. Ему всего восемь... — Она прикусила губу, будто пожалела, что проговорила. — Если я провалюсь... они... они заберут его. В Дома Безродных.

Я сделала вид, что не заметила, как её руки затряслись сильнее. Илина даже не подозревала, что говорила мне куда больше, чем думала. Собственная жизнь ее интересовала мало. Куда больше она боялась за брата, чем за себя.

— Ты ведь понимаешь, что после как ты выполнила бы этот приказ, последовал бы следующий? — медленно произнесла я, глядя прямо ей в глаза. — И откуда тебе знать, жив ли все еще твой брат? Ты цепляешься за их ложь, веришь, что тебя осталась хоть капля власти над собственной жизнью.

Я сделала паузу, позволяя этим словам осесть в её голове.

— Но вот вопрос, Илина: сколько ещё приказов ты готова выполнить, прежде чем они отнимут у тебя последнее? Или ты надеешься, что это никогда не случится?

Её плечи затряслись, в глазах заплескали слёзы. И я поняла — за этими хрупкими стенами скрывается больше боли, чем она может выдержать. И если я предложу ей выбор — возможно, именно это станет её спасением. А заодно и моим.

Я медленно протянула руку и коснулась её плеча — жест мягкий, чуждый этому месту.

— Илина, никто не должен жить в постоянном страхе. Твой брат... он ещё может быть спасён. Помоги мне, и я помогу тебе.

Она вскинула на меня глаза, полные слёз и неверия. Её губы задрожали, но я уже видела: в ней боролись сомнения и слабая, отчаянная надежда.

— Дай мне имена, — тихо попросила я. — И мы обе получим шанс выбраться отсюда живыми. Ты ради брата. Я — ради своей жизни.

Илина судорожно вдохнула, сделала шаг назад, но затем всё-таки прошептала:

— Я... попробую. Но если они узнают... — Она сжала кулаки. — Тогда меня уже ничто не спасёт.

Я кивнула. У меня появился первый настоящий союзник. Пусть и дрожащий от страха.

Илина молча помогла мне вернуться в купель и завершить омовение. Её движения стали чуть увереннее, будто сделанный выбор придавал ей хрупкую силу. Она тщательно вымыла мне волосы, расчесала распутавшиеся пряди, и я почувствовала почти забытое ощущение ухода и покоя. Как будто снова была человеком, а не товаром на весах чужих интриг.

Закончив, Илина подала мне одежду. Я одевалась молча, стараясь не задумываться о том, кому и зачем предстояло меня в таком виде увидеть. Золотистая ткань обтянула кожу мягко, почти неощутимо — слишком нежная для человека, привыкшего к грубой форме и джинсам. Это платье не защищало. Оно выставляло напоказ.

Подойдя к большому зеркалу, я впервые смогла рассмотреть себя по-настоящему. И от этого зрелища перехватило дыхание.

Женщина в отражении была поразительно красива. Высокие скулы, изящная линия подбородка, кожа — словно фарфор, светлая и безупречная. Глаза — большие, с яркими, почти светящимися радужками, в обрамлении длинных тёмных ресниц. Волосы — тяжелые, чёрные, как воронье крыло, свободно спадали на плечи, контрастируя с тонкой шеей и плавной линией ключиц.

Это лицо не нуждалось в украшениях. Оно само по себе было драгоценностью. Я не знала, чего больше во мне сейчас — чужого восхищения или собственного страха. Красота — тоже может быть оружием. Но и клеймом. Кем же я стала, если не могу отличить одно от другого?

Я коснулась рукой своей щеки, словно не веря, что это отражение — теперь моё. В это время Илина, стоявшая немного в стороне, не смогла скрыть своего изумления. В её взгляде смешались благоговейный трепет и искреннее удивление. Она смотрела на меня так, словно впервые осознала, кем я могла бы быть — и, возможно, кем в её глазах уже становилась.

— Вы... — голос её сорвался, и она поспешно опустила голову, прикусывая губу. — Простите, госпожа.

Но я видела достаточно, чтобы понять: даже она, воспитанная в покорности и страхе, отчего-то поменяла своё мнение обо мне.

— Раньше я была другой, не правда ли? — я позволила себе небольшую усмешку.

Илина медленно подняла взгляд, в её глазах светилась неподдельная растерянность.

— Когда вас привезли на склад аукциона... — тихо начала она, чуть сжав ладони. — Вы казались сломленной. Пустой. Как будто вас уже не существовало. Но сейчас... — Она замялась, будто сама не верила в то, что говорит. — Сейчас передо мной словно стоит совсем другой человек. Совсем иная.

Это признание позабавило меня куда больше, чем следовало. Я едва не рассмеялась вслух, но в этот момент раздался короткий, глухой удар по двери — быстрый и до болезненного знакомый. Словно чей-то кулак ударил по стене изнутри черепа.

Моя усмешка замерла. Сердце в груди ухнуло. Этим стуком здесь явно говорили лишь одно: время вышло.

Дверь отворилась так же стремительно, как и в первый раз. В проёме появился один из тех же немногословных стражников, что сопровождали меня сюда. Его лицо оставалось непроницаемым, глаза скользнули по комнате и задержались на мне.

— Пора, — коротко бросил он, не добавив ни слова больше.

Илина бросила на меня быстрый, тревожный взгляд и опустила голову. Её пальцы сжались в складках юбки так крепко, что костяшки побелели.

Я медленно выпрямилась, провела ладонью по тканям платья, сглаживая невидимые морщины, и шагнула в сторону двери. На мгновение остановилась у порога, обернулась и встретилась с Илиной взглядом.

Говорить что-то было слишком опасно, но она поняла мой взгляд и молча кивнула. Когда я вышла в коридор, ощущение чужого взгляда продолжало жечь спину, будто напоминание: теперь всё начинается по-настоящему.

Я шагала за стражником по сумрачным коридорам, чувствуя, как каждая мысль, как и шаг, отдаётся глухим эхом в пустоте. Сердце билось ровно, но слишком уж громко, будто желая напомнить о собственной хрупкости.

Неужели я уже так легко приняла свою новую роль? Неужели мне не страшно? Нет... страх был. Прятался где-то в глубине, вязкий, холодный, как вода, просачивающаяся сквозь трещины в плотине. Но я не собиралась дать ему прорваться наружу.

Здесь уцелеет лишь тот, кто умеет держать голову высоко и мысли холодными.

Интересно, к кому именно меня сейчас ведут? Тот человек в зале — он до сих пор оставался лишь тенью под капюшоном. Покупатель. Мой хозяин. Или, быть может... палач в другом обличье?

Я стиснула пальцы, подавляя дрожь. Каким бы ни был этот человек, он не получит удовольствия от моей покорности. Пусть я и ношу на шее этот проклятый знак чужой собственности, но в душе остаюсь свободной.

Пусть попробует сломать меня.

Мысли вертелись в голове, как ураган, но разогнать их не успела — за очередным поворотом коридора воздух словно стал тяжелее. Я почувствовала его присутствие прежде, чем мы вошли в новый зал.

Тот самый запах — еле уловимый, с привкусом надвигающейся грозы и тонкой нотой обожжённой амбры — аромат, будто воздух на грани бури, смешанный с чем-то опасно чарующим и обжигающим, как горячий металл. Тот самый холодный взгляд, что прожигал меня в зале аукциона.

Я ещё не видела его лица. Но он уже знал моё. Не по имени. По взгляду. По выбору, который я сделала в купели. Он ждал меня не как хозяин — как охотник ждёт добычу, что идёт к нему сама.

ГЛАВА 3

Мы остановились перед неприметной дверью. Стражник коротко постучал — коротко, резко, одним ударом, и сразу отступил, не удостоив меня взглядом.

Нервы натянулись, словно тонкая струна, готовая лопнуть от любого неловкого движения. Я чувствовала — за этой дверью меня ждёт человек, которому теперь принадлежит моя судьба. Хозяин. Само это слово вызывало холодный прилив отвращения и едва заметный укол страха. Что он за человек? Жестокий? Холодный? Разочарованный своей покупкой или, наоборот, с нетерпением ждущий проверить товар?

Грудь сжала ледяная тяжесть. Я не знала, что страшнее — его равнодушие или интерес. И всё же, даже в этом состоянии, где-то в глубине, тлея упорная мысль: как бы он ни смотрел на меня — я всё равно останусь собой.

Дверь распахнулась.

Меня втокнули внутрь — не грубо, но без права на колебание.

Зал встретил меня ледяным равнодушием каменных стен. Помещение было обширным, но лишённым всего, что могло бы согреть взгляд или душу. Высокие колонны уходили в полумрак под сводчатым потолком, а массивные канделябры отбрасывали длинные, зыбкие тени по гладкому полу. Никаких окон, никаких дверей, кроме той, через которую я вошла. Пространство будто создано для того, чтобы подавлять волю тех, кто осмелился сюда войти.

И все же самое тяжёлое было не это. Тот самый аромат — грозная свежесть, обожжённая амбра и что-то острое, почти металлическое. Аромат власти. Аромат опасности.

— На колени, — раздался спокойный, но властный голос откуда-то из глубины зала.

На мгновение мне показалось, что воздух стал плотнее. Стражники замерли, словно ожидая, что я беспрекословно подчинюсь.

Но я не двинулась. Спина оставалась прямой, взгляд устремлён вперёд. Колени дрожали от напряжения, но я сдержалась. Я была товаром. Но не вещью. И уж точно не той, кто склоняет голову по первому приказу.

На миг воцарилась глубокая тишина. Я ощутила, как в темноте что-то сдвинулось — не звук, не движение, а будто сама тень улыбнулась. Одобрение?

Из темноты выступила высокая фигура, лицо по-прежнему скрывал капюшон. Он не приближался, словно давая мне время осознать, что я только что нарушила порядок вещей. И почему-то осталась стоять.

Он шагнул ближе, вставая так, чтобы нависать надо мной, словно сама тень обрела форму. Его голос, низкий и почти ленивый, прозвучал снова:

— Интересно, долго ты продержишься, пряча дрожь в коленях? Или твоё упрямство — такая же дешёвая поза, как и это платье?

Старый приём. Подавление через демонстрацию превосходства, попытка вбить неуверенность прямо в сердце. Я видела это десятки раз. На допросах, в залах суда, в запотевших камерах, где слова были острее ножей.

Я позволила себе медленный вдох, отпуская напряжение с выдохом.

— А вы всегда начинаете разговор с оскорблений? Или это исключительная честь для меня? — мой голос прозвучал спокойно, почти холодно. Я заметила, как его плечи чуть ослабились. Почти незаметная реакция, но я уловила её. Он не ожидал, что я знаю эти игры. И тем более — что умею в них выигрывать.

Он не ответил, но в его молчании слышалось не раздражение, а... любопытство. Он меня изучал. А я — его.

Но он не отступил. Я уловила едва заметный наклон головы, как хищник, меняющий тактику охоты.

— Сколько стоит твоя свобода? — его голос звучал иначе: мягче, почти лениво, но в этой обволакивающей мягкости скрывалась новая, куда более изощрённая угроза.

— Не думаю, что вы сможете позволить себе такую цену, — ответила я тихо, почти без улыбки, с той самой тенью насмешки, что так раздражает мужчин, привыкших к покорности.

Он сделал шаг вбок и начал медленно обходить меня по кругу. Его взгляд был прикован ко мне — жёгся на затылке и бежал мурашками по позвоночнику.

Его движения были точными, сдержанными, как у человека, привыкшего к абсолютному контролю. Не было ни суеты, ни показной силы — только выверенная угроза в каждом шаге.

— Ты не совсем понимаешь, как устроен этот мир, — его голос стал глубже, тяжелее. Опаснее. — От того, насколько хорошо ты себя покажешь, зависит, окажешься ли ты под пьяным солдатом в первом же притоне. Или... — он сделал выразительную паузу, и я услышала, как он медленно втянул воздух сквозь зубы, — окажешься в совсем другом месте. Там, где тебе будут завидовать те, кто умолял о таком шансе.

Подлый приём — создать мнимый выбор между худшим и просто непонятным, заставить держаться за иллюзию спасения, не зная, в чём оно состоит.

Я позволила себе чуть скривить губы, словно от дурного запаха.

— Странно слышать такие предложения от человека, который даже своего лица не показывает, — сказала я хладнокровно. — Или ваша сила заканчивается там, где начинается откровенность?

Его тень замерла. В наступившей тишине я уловила слабое, почти невидимое движение плеч. Он снова... развлекался. И, что хуже всего, начинал получать от этого удовольствие.

Теперь он встал напротив, наклонился так близко, что у меня слегка закружилась голова от его запаха, и вопрос, произнесенный тихим, почти интимным шепотом ударил в самое сердце:

— Боишься?

Я встретила его взгляд в тени капюшон и ответила спокойно, почти равнодушно:

— Боюсь. Глупо отрицать. Но это не значит, что я встану перед *тобой* на колени.

На миг его дыхание стало чуть медленнее, как будто мой ответ его удивил... или заинтересовал куда больше, чем он хотел показать.

— А что пугает тебя больше всего, маленькая мятежница? — его голос понизился, вкрадчивый и обволакивающий, будто яд, растворённый в вине. — Смерть... или неизвестность, в которой можно утонуть, словно в бездонной трясине?

Я медленно вдохнула, стараясь не выдать ни дрожи в голосе, ни колебания во взгляде.

— Неизвестность пугает только тех, кто привык жить в иллюзии контроля, — сказала я тихо, но твёрдо. — А смерть... что ж, её боятся лишь те, кто никогда по-настоящему не жил.

Он усмехнулся. И впервые позволил мне увидеть это. Капюшон чуть сдвинулся, и в полумраке проступили резкие, безупречно выточенные черты. На губах играла лёгкая, едва заметная ухмылка, в которой смешались хищная насмешка и настоящее любопытство. Глаза оставались скрыты тенью, но я чувствовала их взгляд кожей — изучающий, проникающий слишком глубоко, словно он пытался заглянуть за все слои моей обороны.

И в этот момент я поняла: игра ещё далека от завершения. Он не собирался отпускать меня с чувством победы — нет, он хотел оставить последнее слово за собой.

Он медленно обошёл меня снова, заставляя чувствовать себя мишенью в центре мрачного ритуала. Я сжала пальцы в кулаки, не позволяя себе отвести взгляд или сделать хоть шаг назад.

— Ты слишком хорошо держишься для того, кто не знает, куда его бросят завтра, — сказал он наконец. Его голос стал мягче, но в этом мягком бархате чувствовались стальные нити. — Любопытно, сколько ещё ты продержишься, прежде чем начнёшь торговаться за жалкие крупички безопасности.

Я сдержала порыв усмехнуться. Это была та же старая игра. Он испытывал мои границы, дожидаясь, когда я сделаю первый неверный шаг. Когда сама подойду и попрошу о снисхождении.

— Думаете, мне стоит начать прямо сейчас?

Он стоял за моей спиной. Затылком я чувствовала его обжигающее дыхание. Спину покалывало.

Я развернулась и прямо встретила его взгляд.

— Преклонить колени? Умолять о щедрости? Или всё же подождать, пока вы определитесь, кем меня собираетесь сделать — шлюхой, игрушкой или... союзником?

На этот раз он замер. Его молчание гудело сильнее любого выкрика. В этом молчании не было привычного превосходства. Лишь дыхание, на миг сбившееся, как если бы он... удивился. И я вдруг поняла: он и сам не знал, зачем купил меня, и этими проверками пытался решить, что ему со мной делать.

Он подцепил мой подбородок пальцами. Почти нежно. Но я знала — стоило мне дёрнуться, и его пальцы сомкнутся на горле. И я осталась неподвижной, заставляя себя заглянуть ему в лицо. И хотя капюшон почти слетел с его головы, я не могла увидеть его облик целиком.

— Знаешь, что интересно в таких, как ты? — его голос снова звучал мягко. — Вас всегда можно сломать. Вопрос лишь во времени и способе.

Его дыхание обожгло кожу у самого уха.

— Подумай хорошенько, что тебе дороже: гордость... или возможность дожить до завтрашнего утра?

Он развернулся и растворился в тених, оставив после себя лишь пряный аромат грозы и обожжённой амбры.

А я осталась стоять посреди зала, чувствуя, как холод пробирает до костей. И только одна мысль не давала опустить голову: я ещё не проиграла. И эта партия ещё далека от финала. Он только начал расставлять фигуры. И, может, думает, что я — одна из них.

Но, возможно, он просто не заметил: я уже сделала первый ход.

ГЛАВА 4

Меня проводили обратно в покои без лишних слов. Коридоры, по которым вели прежде с такой важностью, теперь казались длиннее, стены — выше, а воздух — тяжелее. Шаги стражников глухо отдавались в камне, как отголоски приговора, который мне ещё только предстояло услышать.

Я не помнила, как оказалась в комнате. Только осознала это, когда за спиной уже захлопнулась дверь, оставив меня наедине с гулкой тишиной.

Ноги подкашивались, руки дрожали от переохладения и напряжения. Я медленно опустилась на край узкой кровати, ощущая, как усталость давит на плечи, словно меня сковали незримые цепи.

«До рассвета», — эхом раздался в голове его голос.

До рассвета решится, кто я в этом мире — вещь, игрушка... или нечто большее. Если доживу.

Тишина казалась оглушительной. Я пыталась разложить всё по полочкам, найти логику в его поступках, но не могла понять главного — зачем я ему? Ради чего стоило тратить такую сумму, если он сам не знает, кем меня сделать?

И всё же, несмотря на усталость, разум не отпускал мысль: что-то в его словах было не случайно. В этих угрозах, в странной тяге растянуть игру. Он изучал меня. Тщательно, холодно и методично.

В дверь тихо постучали. На этот раз — не властный стук, а осторожный, едва слышный. — Входите, — голос мой прозвучал глухо, без прежней уверенности.

В комнату скользнула Илина. В руках — поднос с едой и кувшин с тёплой водой. Она робко подошла ближе, не глядя мне в глаза, будто боялась увидеть на моём лице то, что самой себе признавать страшно.

— Я принесла вам поесть... и умыться, госпожа, — прошептала она.

Госпожа. Это слово звучало теперь почти как насмешка.

Я попыталась улыбнуться, но не смогла. Вместо этого кивнула и жестом указала ей присесть.

— Скажи мне, Илина, — начала я тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как на допросах в прежней жизни, — что здесь означает «испытание до рассвета»?

Девушка вздрогнула и крепче сжала подол юбки. Несколько мгновений она молчала, а затем, словно что-то внутри неё сломалось, всё же прошептала:

— Это... это старая традиция. Та, кто доживает до утра и не сходит с ума от страха — получает шанс остаться человеком. Остальные... — Илина осеклась и опустила глаза. — Остальные ломаются. И их судьба решается без них.

— Ломаются? — переспросила я холодно.

Она судорожно кивнула.

— Когда разум сдаётся первым, тело следует за ним, — пробормотала она. — И тогда уже неважно, где ты очнёшься утром — в борделе или на бойне.

Мурашки побежали по спине. Мне вдруг показалось, что воздух в комнате стал гуще, а сама ночь — длиннее, чем должна быть. Я посмотрела на окно, в котором чернела беззвёздная тьма.

До рассвета ещё слишком далеко.

Я встала и медленно прошла по комнате, пытаюсь вернуть ясность мысли. Холодный каменный пол под босыми ступнями будто намеренно подталкивал к отчаянию, но я упрямо боролась с нарастающей тревогой.

— Что бывает с теми, кто выдерживает? — тихо спросила я, не оборачиваясь к Илине.

— Их судьба... меняется, — голос девушки дрогнул. — Как неизвестно. Я слышала... — она запнулась, и я обернулась, уловив ту самую заминку. — Иногда их забирают в самые высокие дворцы. Но... — Илина понизила голос, — для этого нужно не просто выжить. Нужно остаться собой. Не сойти с ума от страха, как бы тебя ни пытались сломать.

Я остановилась у зеркала и посмотрела на своё отражение. Та же женщина, что час назад стояла перед этим лицом, уже не казалась мне такой же. В её глазах жила усталость, но и что-то новое — холодная решимость.

«Ты не дрогнешь, — тихо сказала я своему отражению. — Не здесь. Не этой ночью.»

За стенами послышался глухой скрежет. Будто кто-то скользнул вдоль двери, затаив дыхание. Я мгновенно напряглась. Прислушалась. Но всё снова затихло.

До рассвета оставалась вечность. И я должна была пережить каждую её минуту.

Шаги. Едва уловимые, но слишком отчётливые в тишине. Я повернула голову к двери, затаив дыхание. Тени под порогом зашевелились.

Илина вжалась в стену, глаза её распахнулись от ужаса.

— Это они... — прошептала она одними губами. — Проводники ночи...

Дверь не открылась. Зато в замочной скважине раздался негромкий щелчок, будто пробовали, заперта ли она. Затем — новый звук, как будто когти царапнули по дереву.

Я медленно подошла ближе, наклонилась, пытаюсь уловить хоть что-то. За дверью стояли. Ждали. Проверили...

Где-то в глубине коридоров протянулся еле слышный металлический звон, словно чей-то браслет зацепился о решётку. Потом снова тишина. Леденящая, вязкая.

И я поняла — ночь ещё не закончилась. И это не последняя проверка.

Тишину разорвал новый звук — протяжный скрип тяжёлых дверей в дальнем коридоре. Я резко обернулась, но Илина уже метнулась к дальнему углу комнаты и съёжилась, будто надеялась стать невидимой.

Тени под дверью дрогнули, и в следующую секунду в проёме раздался голос — хриплый, грубый, будто испарянный песком:

— Приказ выполнен. Готовьте её.

Я не успела даже сделать шаг, как дверь медленно отворилась, пропуская в комнату двух человек в чёрных плащах. Их лица скрывали маски из тёмного металла с узорами, напоминающими паучи сети.

— Встать, — раздался глухой приказ. — Время пришло.

Я медленно расправила плечи и выпрямилась. Горло пересохло, но голос прозвучал уверенно:

— А для чего именно пришло время?

Один из них склонил голову набок, словно изучая меня как необычную вещь, что решила заговорить без разрешения.

— Испытание, — ответил второй коротко. — Если достойна — увидишь рассвет. Если нет... — он не договорил, но его пальцы скользнули по эфесу короткого меча.

Я знала: выбора нет. Но как бы ни называлась их игра, я пройду её на своих условиях.

Внутри всё сжималось от предчувствия — не страха, нет. Холодного, выверенного понимания: сейчас начнётся нечто, что изменит всё. Я не знала правил этой игры, не знала, что именно сочтут достойным испытанием, но одно было ясно — на кону не просто моя жизнь. На кону была моя воля.

Здесь, в этом мире, свободу не дают. Её вырывают зубами и когтями. Или расплачиваются за неё тем, что не каждый способен отдать.

«Ты справлялась с худшими, — напомнила я себе, — и там, в своём мире, тебя уже пытались сломать. Но ты всё ещё стоишь. И сейчас — ты стоишь на земле тверже, чем когда-либо.»

Я расправила плечи и сделала первый шаг вперёд, прямо навстречу тем, кто должен был стать моими палачами... или судьями. Сердце билось медленно и чётко, как отмеряющий удары времени механизм.

Испытание начиналось.

Меня вели по узким переходам, всё дальше от тех мест, где ещё теплилась хоть какая-то человеческая жизнь. Воздух становился сырее, стены покрывались налётом мха и инея. Пахло сырой землёй, ржавчиной и древними кошмарами, слишком старыми, чтобы их можно было передать словами.

Мы остановились перед массивной дверью, обитой чёрным металлом. Один из проводников достал ключ, который с трудом повернулся в замке, скрежеща, будто сам замок протестовал против того, что его вновь открывают.

За дверью раскрылась каменная платформа, уходящая в полумрак. По периметру мерцали слабые огоньки, как звёзды, затерянные в чёрном небе.

— Ты знаешь правила? — спросил один из тех, кто стоял рядом.

— Нет, — честно ответила я, вглядываясь в этот странный зал, больше похожий на арену или древнее святилище.

— Хорошо, — его голос прозвучал с той ленивой безразличностью, с которой палачи сообщают о грядущей казни. — Тогда запомни: страх — твой враг. Если сдашься ему, мы это увидим. И увидит тот, кто наблюдает за тобой сейчас.

— Кто? — спросила я, но ответа не последовало.

— Время пошло, — лишь бросил второй, отступая в тень.

Я осталась одна на каменной площадке. Где-то в темноте раздался звук, словно когти царапнули по камню, а воздух наполнился тем самым пряным ароматом грозы и обожжённой амбры.

И я поняла — испытание уже началось, и его судья был здесь.

Мир вокруг дрогнул. Воздух стал гуще, плотнее, словно сам камень под ногами начал дышать. Передо мной появились три массивные арки, каждая — с древними символами, мерцающими в полумраке.

Я не понимала их смысла — не было ни надписей, ни указаний. Только глухая тишина и ощущение, будто сама судьба затаила дыхание.

Я медленно подошла к первой арке. Камень под ладонью был тёплым, почти обжигающим, и внезапно перед глазами вспыхнуло видение. Я — в покоях, залитых золотистым светом. Роскошные ткани, изысканные украшения на запястьях. Сладкий голос разливался прямо в сознании:

«Здесь не нужно бороться. Здесь ты в безопасности. Никто не потребует от тебя ничего трудного. Ты заслуживаешь покоя... Разве не этого ты хотела, когда устала быть сильной?»

Я отшатнулась, сердце колотилось в груди. Желание отдаться этому теплу было слишком сладким, слишком правильным... опасно правильным.

Голос не утихал. Он стал настойчивее, его шелест разливался в сознании, словно сладкий мёд на раскалённом лезвии:

«Ты устала, ведь так? Ты всегда боролась. Всегда была сильной. А здесь... Здесь можно отдохнуть. Разреши себе быть слабой, всего на миг. Разве не об этом ты мечтала в долгие бессонные ночи? Не хотела ли ты, чтобы кто-то просто взял и решил всё за тебя?»

Картины перед глазами сменялись одна за другой — я, окружённая заботой, в мягких объятиях, где не нужно принимать решений, не нужно бороться за каждый вдох. За окнами вечное лето, а на устах только улыбки. Никакой ответственности. Никакой боли.

И я чувствовала, как всё моё существо тянется к этому обманчивому покою. Тело жаждало утонуть в ласковом тепле, раствориться в заботливых объятиях и забыть обо всём. Хотелось просто сдаться — опустить голову и позволить кому-то сильному нести груз ответствен-

ности. Всего на миг... но этот миг грозил стать вечностью. В этом сладком воздухе скрывался яд, и всё же с каждой секундой становилось труднее дышать иначе, труднее отвернуться от призрачного обещания лёгкости и покоя.

Голос звучал всё ближе, почти касаясь самого сердца:

«Просто выбери. Один шаг — и всё это станет твоим. Зачем страдать, если можно быть счастливой... без борьбы?»

Я зажмурилась и стиснула кулаки. Нет. Это слишком сладко, чтобы быть правдой. Я заставила себя вспомнить истину, скрытую за этими сладкими миражами. Гаремы — не дворцы удовольствия. Это клетки, где женщины грызутся за место у ног мужчины, за его взгляд, за право хоть на день почувствовать себя нужной. Жизни, прожитые в борьбе за постель, за украшения и остатки милости. Где каждая улыбка — оружие, каждый поклон — шаг к предательству.

И в этой борьбе нет победителей. Есть только те, кто сломлен, и те, кто ждёт своей очереди быть сломленным. Мечтая стать любимицей — и становясь лишь одной из множества забытых лиц за затейливыми ширмами.

Я вцепилась в это знание, как в спасительный клинок. И лишь тогда смогла сделать шаг прочь от тёплой иллюзии, которая так отчаянно пыталась меня удержать.

И в тот миг, когда мираж рассыпался, будто пыль в солнечном луче, я почувствовала, как будто меня отпустили склизкие щупальца, которые успели присосаться к самому сердцу. Грудь болезненно разжалась, лёгкие жадно вбирали холодный, сырой воздух реальности. Колени подогнулись от накатившей слабости, и лишь усилием воли я удержалась, не позволив себе упасть.

Голова кружилась от напряжения, сердце всё ещё отчаянно колотилось, будто вырываясь из тисков невидимых цепей. Но вместе с болью пришло и странное облегчение — будто я вырвалась из липкой паутины и впервые за долгое время снова смогла дышать полной грудью.

Я стояла. На дрожащих ногах, но стояла. Свободная от наваждения.

Оставшиеся две арки зияли неизвестностью. Теперь я поняла, что это за испытание. Испытание воли. И похоже я должна пройти все арки, чтобы победить.

Я сделала шаг ко второй арке, но внутри что-то противилось. Словно все мое существо не желало вновь оказаться под влиянием чужой воли и навязчивых иллюзий. Я замерла. Хотелось убежать оттуда. Колени дрогнули. Но я лишь крепче сцепила зубы и уже решительнее подошла ко второй арке.

Ну, давай. Посмотрим, что ты для меня приготовила.

Камень был холодным, шероховатым, словно впитавшим в себя шрамы сотен сражений. Я положила ладонь на его поверхность — и мир взорвался огнём.

Перед глазами вспыхнула новая картина. Я стояла на высокой мраморной лестнице, в тяжёлых и дорогих одеждах, а у моих ног — толпа, склонившаяся в покорности. В зале разносились слова восхищения, а за спиной — верные советники, готовые исполнить любой приказ.

Голос стал глубоким и насыщенным, словно бархат, скрывающий клинок:

«Вот она, истинная свобода. Не кланяться — а сделать так, чтобы кланялись тебе. Не умолять — повелевать. Зачем бороться за место в мире, если ты можешь стать тем, ради кого сражаются и умирают? Ты достойна большего, не так ли? Всего одного слова — и всё это станет твоим. Абсолютная власть. Полная свобода от страха. Разве не этого ты жаждешь?»

Эти слова звучали соблазнительно легко. Сердце бешено забилося, а в глубине души вспыхнула опасная мысль: «А почему бы и нет?»

Эта мысль, словно предательский шёпот, разрослась в груди сладким ядом. Я почувствовала, как отравляющее тепло разливается по венам, как каждая клеточка моего тела откликается на этот соблазн. Захотелось расслабиться, позволить себе не бороться, не быть вечно настороже. Хотелось ощутить лёгкость власти, безжалостную уверенность, что всё и все —

лишь пешки в моей игре. На короткий, пугающий миг эта мысль показалась до невозможности правильной, но...

Но в следующий момент я увидела лица в толпе. Потупленные глаза, пустые улыбки. И моё собственное отражение в полированном мраморе — чужое, холодное, безжалостное. Тиран. Диктатор. Психопат, мучающий людей ради того, чтобы потешить собственное безмерно раздутое эго. Я превратилась бы в того, кого всю жизнь презирала.

Я резко отдернула руку от камня, словно обожглась, и заставила себя отступить. Нет. Такая сила не освобождает — она заключает в золотую клетку, только с другой стороны решётки.

Вторая арка осталась позади, но внутри не было ощущения освобождения. Вместо облегчения внутри разливалась тревога, вязкая и липкая, как болотная жижа. Что, если я всё-таки сделала неправильный выбор? А главное — кто вообще сказал, что у меня есть право выбирать? Неужели эта игра — не более чем красивая иллюзия свободы в клетке, где за меня уже давно всё решили? И если это так, то какова же истинная цель этих испытаний? Я чувствовала себя марионеткой в руках неведомого кукловода, и от этого становилось невыносимо тяжело дышать.

Я застыла перед третьей аркой, чувствуя её ледяное дыхание, пропитанное пустотой. Всё моё существо протестовало — идти туда было против самой природы человека.

Но вдруг меня озарило.

Выбор — это тоже иллюзия. Выбор между тюрьмой и другим видом тюрьмы. Свобода не в том, чтобы шагнуть в очередную дверь, где за мной уже решено, кем я стану. Настоящая свобода — в том, чтобы *отказаться играть по их правилам вовсе*.

Я медленно развернулась. Шагнула назад, прочь от всех трёх арок. Каждый мой шаг звучал как вызов в этой гулкой тишине.

— Я отказываюсь, — произнесла я твёрдо. — Ни одна из этих дорог не моя. И никто, кроме меня самой, не определит, кем я стану.

Воздух словно сжался. Тени зашевелились. Мне показалось, что даже сама платформа под ногами дрогнула, не в силах выдержать подобной дерзости.

И вдруг — тишина лопнула, как тонкое стекло. С высоких галерей донёсся чёткий, глубокий голос.

— *Выбор сделан.*

Я не знала, что меня ждёт. Но в этот момент я впервые за всю ночь почувствовала... что стою по-настоящему свободной.

Но стоило этой мысли коснуться разума, как пространство вокруг меня снова дрогнуло. И вдруг я поняла — я не одна в этом зале.

На противоположной стороне, в той же прозрачной дымке, медленно двигалась девушка. Такая же, как я — одетая в тонкое платье, с распущенными волосами и босыми ногами. Она испуганно озиралась, глаза метались по теням, дыхание её было резким и рваным.

На миг наши взгляды встретились. Её губы дрогнули, будто она собиралась что-то сказать... но тут девушка резко замерла. Глаза её наполнились первобытным ужасом.

— Нет... нет! — выдохнула она сдавленным голосом и, развернувшись, кинулась обратно в сторону, откуда пришла.

И в ту же секунду воздух прорезала стрела из мутной, густой тёмной энергии. Я даже не успела вскрикнуть — стрела пронзила её спину, и девушка, как тряпичная кукла, рухнула на каменные плиты. Свет в её глазах угас мгновенно.

Я стояла, не в силах двинуться. Холод прошёл по коже, как ледяной нож. Только сейчас я до конца осознала: цена каждого провала здесь — смерть.

И тогда меня накрыло. Внутри вспыхнула бессильная, яростная злость — та самая, от которой сжимает горло, а в груди разрастается огонь. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони.

Я резко развернулась и уставилась прямо в темноту.

— Захватывающее зрелище, правда? Чужие страдания, м-м-м. Что может быть лучше? — мой голос сорвался, но в нём звучало презрение, не уступающее отчаянию. Губы исказила злая усмешка. — И что же тут у нас? Высокий уровень нарциссизма, компенсирующий внутреннюю пустоту. Адреналиновая зависимость от чужого страха и боли. Вы не способны чувствовать, вам нужно наблюдать за агонией, чтобы хоть как-то убедиться, что вы ещё живы. Но ведь правда в том, что вы мертвы уже давно, не так ли?

Я сделала шаг вперёд, отчётливо ощущая, что каждое слово разлетается эхом по залу.

— Вы не боги и не хищники. Вы — патологические манипуляторы, скрывающиеся за ритуалами и громкими титулами, чтобы оправдать собственную ничтожность. Вам нужна публика, жертвы, вы не можете существовать без этого спектакля. Потому что вне этих стен, без власти над чужим страданием, вы — ничто.

На этот раз тьма не просто дрогнула — я почувствовала, как воздух стал тяжелее, как где-то там, в вышине, кто-то буквально затаил дыхание.

Голос раздался негромко, почти с интересом, но в этой спокойной интонации ощущалась странная, цепкая сила:

— Любопытно... — пауза повисла в воздухе, как тонкая нить, натянутая до предела. — Говоришь то, о чем обычно не осмеливаются даже думать. Но скажи, как ты это узнала? Тебе ведь никто не говорил о тех, кто устроил эти игры... Или ты умеешь читать чужие мысли, маленькая ведьма?

В голосе не было привычной насмешки. В нём звучало искреннее любопытство. И вдруг я поняла — он не соответствует тому профилю, что я озвучила. Его это забавляет. Но больше — интригует. Я, возможно, озвучила вслух то, что сам он не раз думал о здешних «традициях» и тех, кто устраивает эти кровавые спектакли.

И что бы там ни пряталось в этой тьме, оно сейчас наблюдало за мной с куда большим интересом, чем до этого.

И вдруг — короткий, резкий голос, раздавшийся откуда-то сверху, но уже без той ленивой небрежности, что звучала раньше:

— Достаточно. Приведите её ко мне.

Мир, казалось, замер. И я поняла — рассвет ещё не наступил, но испытание закончилось. А вот настоящая игра... только начинается.

ГЛАВА 5

Меня разбудил голос — резкий, но без надрыва, отточенный до холодной власти:

— Вставай! Здесь не принято валяться.

Я открыла глаза. Женщина в алом стояла у изножья постели. Высокая, сухая, с туго стянутыми волосами и лицом, которое не знало улыбки.

— Ты новенькая, значит, думаешь, что на тебя смотрят. Никто не смотрит, пока ты не стала интересна. Одевайся.

Я резко села. Подушки смялись под спиной, грудь сдавило от злости — не на неё, а на сам факт: меня разбудили приказом, как вещь.

Ноги коснулись пола. Камень — ледяной, шершавый, словно специально, чтобы унижить. Тело дрожало, но я встала, удерживая спину прямой. Не для неё. Для себя.

На столе лежали два платья. Одно полупрозрачное из тонкого шелка, второе — старое, изношенное, из грубой ткани, все в заплатках.

Мне дали эту подсказку специально или нечаянно? Неясно, но теперь я точно знала, где нахожусь. На аукционе меня продали наложницей в гарем. И именно здесь я и оказалась.

В спину впился взгляд женщины. Оценивающий. Терпеливый. Властный.

Я подошла ближе, склонилась к платьям, рассматривая их пристальнее. Это игра. Это точно игра, а я уже начала разгадывать личность того, кто ее устроил.

Обернув руку грубой тканью, я схватила первое платье и бросила его в — вероятно — управляющую гарема.

Та инстинктивно отшатнулась, как будто платье полыхнуло пламенем. Её глаза на миг расширились — слишком быстро для притворства. Она знала. Знала, что на ткани действительно что-то было. Яд. Не просто раздражение кожи — нет. А тот, что убивает от прикосновения.

Этот страх, эта короткая, вырвавшаяся прежде воли реакция была для меня подтверждением. Я не ошиблась. Платье отравлено. И она была в курсе.

Против воли перед внутренним взором вспыхнул его образ — вырезанный из тьмы и силы. Я почувствовала, как дрожь пробежала по позвоночнику. Не от страха. От ярости. Этот яд мог убить. И если его подбросили сюда — значит, не без ведома того, кто держит меня на поводке. Или он сам дал команду.

— Ты, дерзкая тварь, — выдохнула управляющая, — думаешь, что если пару слов выучила, то можешь судить, кто здесь кого травит?

Она попыталась выпрямиться, но в её голосе дрожал страх, который не поддавался приказу.

— А кто здесь правит? — уцепилась я за слова.

— Ты понятия не имеешь, во что лезешь!

На это я промолчала. Слова ей были нужны, чтобы прикрыться. Мне — чтобы понять. Она знала про яд. И она боялась. Не меня. Того, кто будет спрашивать, как я осталась жива.

Мысли метнулись, как острые лезвия. Если он хотел проверить, насколько я ценна — или насколько легко заменить меня новой фигурой — он нашёл способ. Только я не собиралась быть пешкой. Не теперь. Не после этого.

Больше не тратя время я надела изношенное платье. Управляющую все еще трясло — от гнева или страха, или и от того, и другого.

Когда я закончила, она отрывисто бросила:

— За мной. Быстро. И ни слова. Здесь слушают даже стены.

Женщина не оборачивалась, шагала быстро. Стены были высокими, выкрашенными терракотовой краской, нагоняющей тоску. Пахло пылью, и слабой смесью запахов дешевых духов. Постепенно она ощущалась все отчетливее, затем слышались шорохи, и наконец - взгляды. Много взглядов.

Женщины — их было не меньше двух или трех десятков — стояли вдоль стены в длинном помещении, устланном подушками и низкими ложами.

Они смотрели на меня, как стая хищных птиц — не бросаясь, но уже оценивая, прикидывая, где я встану в иерархии. Кто-то фыркнул, кто-то поправил волосы, кто-то чуть улыбнулся — слишком широко и приторно.

— Алайя вернулась? — требовательно спросила она у девушек.

Они переглянулись, едва заметно, но с тревогой. Кто-то испуганно отвёл взгляд, кто-то — напротив — уставился чуть дольше, чем нужно было. Вопрос всех всполошил.

Нервное движение плеча, задержка дыхания, резкий поворот головы. Это имя вызывало у них страх. Или стыд. Возможно, обе реакции.

Управляющая кивнула на меня.

— Эта будет вместо нее.

Кто она? И почему её место — теперь моё?

И будто сказала уже достаточно, она резко развернулась и направилась к двери, но у самого выхода обернулась. Ее взгляд впился в мое тело.

— Чтобы к вечерней проверке все было сделано!

Некоторые из женщин сдержанно усмехнулись. Кто-то прошипел что-то недоброе. Во взглядах — напряжение, в голосах — закрытое неприятие. Новенькая, которая сразу привлекла внимание, не могла не вызвать раздражения. Я молча кивнула.

Пусть думают, что я пришла сюда без зубов. Тем проще будет вцепиться, когда придёт момент.

А теперь надо было понять, что от меня хотели. Но я и шага ступить не успела, как из полутени за одной из колонн отделилась фигура — девушка, молодая, тонкая, с лицом, в котором не было ничего примечательного, кроме взгляда: внимательного, как у того, кто привык подмечать любую мелочь.

— Пойдем, — сказала она и быстрым шагом направилась к двери.

Но путь нам преградила высокая и стройная девушка с роскошной копной золотых волос. Она была одета не просто богато — вызывающе. Платье кричало о статусе, который она готова защищать зубами.

— Я знаю таких проныр, как ты, — прошипела она. В голосе было больше страха, чем злобы. — Думаешь, ты первая, кто решил пролезть к Нему? Даже не надейся! На таких как ты, он не смотрит!

Тишина опустилась, как занавес. Девушки вдоль стены замерли. Никто не рассмеялся. Никто не вступился. Это был не спор — это была игра на выбывание.

Я посмотрела на неё долгим взглядом. Потом шагнула ближе. Слишком близко, чтобы это было безопасно. Почти касаясь запаха её духов, почти касаясь её страха.

— Я вижу, как ты боишься за своё место рядом с Ним, — тихо сказала я. И ещё тише, почти шёпотом:

— Что случилось с Алайей?

Она вздрогнула. Лицо побледнело, как у пойманной на лжи. Взгляд метнулся, губы дрогнули — но ни звука. Только резкий поворот и быстрая походка прочь. Побег.

В зале стало так тихо, будто воздух тоже ждал объяснений. Но я не собиралась их давать. Я уже всё поняла.

Девушка, вызвавшаяся меня сопровождать, никак не отреагировала на эту сцену. Будто ничего и не было, она просто пошла вперёд, зная, что я пойду за ней.

Мы свернули в один из боковых коридоров. Каменные стены были влажными, воздух пах плесенью и ладаном. Девушка шла ровно, не оглядываясь, но замедлилась, чтобы я не отставала. Через пару поворотов она наконец нарушила молчание:

— Как тебя зовут?

Я чуть повернула голову. Вопрос прозвучал просто, почти небрежно, но в нём уже пряталась ловушка. Настоящего имени я не знала. Или не помнила. Или не хотела произносить.

— Элия, — ответила я.

Она кивнула, будто записала про себя.

— Я Дара.

Девушка была открыта к контакту, и мне нельзя упускать возможности узнать хоть что-то.

— Почему ты вызвалась помочь мне?

— Я не вызвалась, — сказала она, тихо, будто извиняясь. — Просто тебе велели идти... а ты выглядела так, будто не сможешь сама.

Она на мгновение задержала взгляд — и в её глазах сверкнуло что-то человеческое. Не сочувствие, нет. Скорее, знакомое понимание: каково это — проснуться в мире, где никто не объясняет правил.

— Мне просто показалось, что тебе не мешает кто-то рядом. Хоть кто-то... — ее голос стал отсутствующим, будто она провалилась вглубь себя, и вдруг из нее вырвалось: — Иногда мне кажется, что я всё ещё слышу её голос по ночам.

Я замерла. Слова Дары прозвучали слишком тихо, почти случайно — будто вырвались помимо воли. Но голос не дрожал. Не был и шёпотом признания. Это было... что-то другое.

Я повернула к ней голову, не торопясь.

— Чей голос? — спросила я, глядя ей прямо в глаза.

— Я... — она сбилась, — это неважно. Просто иногда кажется... Всякое...

Дара отвернулась. Но я успела уловить страх в ее взгляде. Теперь она была напряжена, но мне хотелось поспрашивать ее еще.

— Ты давно здесь? — сменила я тему.

— Достаточно, чтобы знать, кого слушать, а кого — избегать.

Ответ скользнул, как лезвие: аккуратный, отточенный.

Я почувствовала, как под этой вежливой тусклостью прячется осторожность. Слишком ровные слова, слишком сдержанный взгляд. И всё же в голосе было нечто — может, тень одиночества, слишком знакомая.

— Спасибо, — сказала я просто.

Она чуть замедлилась, бросила на меня взгляд — короткий, почти удивлённый.

— Что помогла, — пояснила я.

Несколько секунд она будто колебалась, будто хотела что-то сказать, но передумала. Губы её чуть дрогнули — не в улыбке, в привычке скрыть мысль. Но ничего не сказала. Только снова пошла вперёд, чуть быстрее, будто убегая от чего-то. Может, от собственного воспоминания. Может, от моего «спасибо».

Вскоре мы достигли восточной галереи. Свет сюда проникал слабо — то ли из-за затянутых пыльных окон, то ли потому, что это место было забыто даже солнцем. Мозаики под стенами были выщерблены, пол — исписан пятнами времени и чужими следами. В углу — вёдра, ветошь и кувшин с мутной водой.

Дара не дожидаясь команды, поставила воду, развязала тканевый свёрток со щётками и тряпками.

— Здесь убирают редко, — сказала она. — Те, кого наказывают. Или кого хотят проверить.

Я кивнула, взяла тряпку и опустилась на колени у стены.

— И под какой же пункт подошла я?

Дара не ответила. Вместо этого резко поднялась, подошла к дальнему ведру, проверила воду и вернулась с тряпкой в руках.

— Если будешь тереть по кругу — грязь поднимается быстрее, — бросила она.

Я подняла на неё взгляд. В голосе не было ни наставничества, ни поддёвки. Только тонкая деловитость. Как будто мы обе знали: это всё — на время.

Она села рядом, но чуть в стороне. Спина прямая, движения выверенные. Работала молча. И в этой молчаливой синхронности было что-то странно спокойное. Не союз — перемирие.

Но стоило мне потянуться вперёд, как в горле что-то потянуло. Я замерла, осторожно провела пальцами по шее — и нащупала металл. Узкий, холодный, плотно облегающий.

Ошейник.

А я уже и забыла про него. Но он был на месте. Он напоминал, чьей я теперь являюсь собственностью.

Я выпрямилась чуть жёстче, чем нужно. И в глубине груди вспыхнула сухая ярость. Не паника — ярость. Она тлела, медленно, осторожно. Как огонь, который знает, когда пришло его время.

И с этим ощущением вернулась и его тень.

Он. Тот, чьё лицо я видела лишь смутно, но чувствовала всем телом. Тот, кто держал меня в темноте, провёл через испытание и сбросил вниз, чтобы смотреть, как я всплыву или утону. Хищник в человеческом облике. Мой *хозяин*.

Сейчас он был далеко. Но ошейник напоминал: я в его власти. Он мог забыть обо мне, а я на это не имела права. Я ненавидела эти оковы. И всё же пальцы сами нашли металл — как будто сейчас именно он делал меня той, кем я являлась.

Где-то в глубине галереи щёлкнула тяжёлая дверь. Шаги. Мужские. Я подалась чуть вперёд, задержала дыхание.

— Я сейчас, — бросила я Даре и, не оборачиваясь, пошла по коридору, стараясь не шуметь.

Она не остановила меня. Только шагнула следом, почти бесшумно.

Мы свернули за колонну и подошли ближе к затянутой драпировкой нише. За ней — едва различимые голоса:

— ...её не будут держать там долго. Она уже вызывала интерес. Нам нужно действовать прежде, чем ее заберут.

— А если она проболтается?

В ответ - смехок.

— У нее есть причина держать язык за зубами. А если она про это забыла, мы ей напомним.

Холод пошёл по спине, как от льда под одеждой. Они не называли имени — но я знала, речь обо мне, или скорее - о настоящей владелице тела, которое я теперь занимала.

Не просто ощущение.

Они боятся, что я открою рот. Значит, прежняя владелица тела что-то знала. Конечно, знала. Ее ведь судили за убийство. Но как они заставили ее плясать под их дудку? Шантаж? Угроза близким? А теперь, когда внутри — я...

Меня острожно дернули за край платья, и это вырвало меня из размышлений. Дара тянула меня назад.

— Нас выпорют, если увидят, что мы не работаем, — испуганно прошептала она.

Но чего она боялась? Управляющей ли?

Мысли проносились внутри быстро, как вспышки молнии. Я шла за Дарой, а внутри всё сжимается в тугой комок. Мне передали тело, но с ним — и долги. Невидимая нить между нами натянулась до предела. И если я не узнаю, кто их требует, — заплатить придётся жизнью.

Мы вернулись к тряпкам, ведрам и грязным мозаикам. Но теперь я постоянно чувствовала взгляд Дары.

Итак...

Я выжала грязную тряпку.

Есть я - девушка, которая должна была сделать грязную работу за кого-то. Есть кукловод, что держится за веревочки, но держится в тени. Он же прислал ко мне убийцу в здание аукциона?

Возможно.

И есть *хозяин*- тот, в чьем гареме я нахожусь, и тот, кто видит во мне свою игрушку, которую так и хочется сломать.

Если меня используют, я стану ядом в их руке

И вдруг послышался истошный женский крик. Я резко обернулась. Дара уже стояла, глаза расширены, лицо — белее мела.

— Это она, — прошептала она почти с ужасом.

Крик повторился. Глухой, пронзительный. За ним — суета. Гул голосов.

Что-то случилось.

Я медленно выпрямилась. Внутри всё уже собралось в пружину. Паника была для других. Мне — нужен был порядок. И улики.

ГЛАВА 6

Мы шли быстро, почти бегом. Точнее, я шла — целеустремлённо, не оглядываясь, а Дара то и дело настигала меня сзади и сбивчиво шептала: «Не твоё дело», «Лучше вернись», «Это может быть опасно». Но с каждой фразой я ускорялась.

Мне нужна была каждая мелочь. Каждая незначительная крошка помогала осколкам стать единой картиной.

Вскоре мы уже двигались с толпой встревоженных и напуганных наложниц, евнухов и служанок.

Первое, что я уловила — запах крови. Железо, в перемешку с ладаном. Неестественный, липкий коктейль. Люди уже набились в проходе, мешая, разглядеть произошедшее.

— Это правда она? — разносился шепот. — Я же говорила, нельзя доверять...

— Разойдитесь! — скомандовала я.

Многие затравленно переглянулись, но испуганная толпа начала медленно расступаться. Я ощущала, как воздух сгущается, как в груди нарастает глухое напряжение — ещё не страх, но уже не просто беспокойство.

Сначала я увидела пролитый настой на полу — темное пятно, расплывшееся по ковру. Потом — раздавленную чашку, отброшенную в сторону. Дальше — тонкая белая ступня, торчащая из-за края колонны. Только потом — шелковая ткань, пропитанная алым.

Тело ещё скрывалось от прямого взгляда, но всё в пространстве подсказывало: оно здесь. Я слышала, как кто-то сдержанно задышался позади, как дышала рядом Дара — коротко, тревожно. Каждый шаг вперёд — словно погружение в ледяную воду.

Я шагнула в нишу, и тогда увидела ее. Хрупкая девушка, словно из фарфора, лежала на полу в луже крови. В ее распахнутых и застывших глазах был ужас.

Клянусь, на полсекунды мне стало по-настоящему страшно, но я опустила на корточки и привычно отбросила эмоции в сторону, начиная собирать детали.

Следы на шее — глубокие, как от грубого захвата. Но кровь у сердца уже почти застыла. Значит, удар был первым. Это странно. Удар в сердце — быстрый, смертельный. Зачем душить?

Удушение — про контроль. Нападавшему было важно наблюдать, как жизнь покидает тело. Я подалась вперед, разглядывая рану. Чтобы убедиться, мне нужно было осмотреть тело, но я была почти уверена — удар клинком был для того, чтобы помучить, а не убить жертву.

Я поднялась и повернулась к Даре. Та смотрела на меня, будто борясь сама с собой. В её взгляде был страх, но не за себя — она будто чувствовала, что это убийство было лишь началом.

Я привыкла к таким делам. Но теперь я была в самом эпицентре. И если ошибусь — следующей могу стать я.

— Это Алайя? — уточнила я.

Дара коротко кивнула, пожимая от напряжения губы.

— Все прочь! Чего столпились?! Заняться нечем?! Вон, кому сказала! — загремел голос управляющей.

Толпа дрогнула и начала рассыпаться, боясь попасть под раздачу. Одна из девушек сжала пальцы до белых костяшек, но не плакала. Другая опустила взгляд, стоило мне взглянуть на неё. Они боялись. Но кто-то — боялся больше других.

Дара шагнула ближе, встала почти вплотную ко мне, будто хотела заслонить, удержать, спрятать от чужих глаз.

— Пожалуйста, молчи, — прошептала она быстро. — Ты не понимаешь, во что можешь влезть. Здесь всё гораздо опаснее, чем кажется.

Я не ответила. Потому что понимала. И потому что уже было поздно разворачиваться.

Шорох ткани и отрывистые шаги прервали напряжённую тишину — в нишу ворвалась управляющая. В каждом ее движении кипела агрессия, как у человека, привыкший наводить порядок криком, а не разумом. Лицо вытянутое, глаза бегают, дыхание сбито. Но в этой демонстративной резкости было что-то лишнее. Паника? Или страх, что её власть дала трещину?

Но управляющая явилась не одна, по пятам за ней шла моя златоволосая подруга. И она привлекла все мое внимание.

В отличие от остальных она ни разу не посмотрела на тело. Ни мельком, ни скользящим взглядом — будто его просто не существовало. Это было не пренебрежение, а контроль. Жесткий, выверенный, как будто она заранее знала, что увидит, и не хотела дать себе шанса дрогнуть. Но я уловила ещё одну деталь — в её взгляде не было ни страха, ни ужаса, ни даже отвращения. Только отстранённая холодная заинтересованность. Это чувство промелькнуло мимолётно, прежде чем она приклеила на лицо маску вежливой отрешённости.

— Это ты! — неожиданно сорвалась управляющая, оборачиваясь к Даре. — Ты всегда завидовала Алайе! Все это видели! Ты не могла вынести, что Император мог выбрать её, а не тебя!

Дара побледнела, но её голос оставался ровным:

— Я всего лишь наложница, которую понизили до служанки.

Управляющая не унималась. В её голосе было всё меньше гнева и всё больше истерики:

— Ты была рядом с ней в тот вечер! Ты знаешь, что произошло! Я видела, как ты следила за ней, я... я знала, что ты не простишь ей её успеха!

Я смотрела на неё, не перебивая. Потому что в этих обвинениях было нечто важное — не слова, а их тон. Каждое слово управляющей дрожало, словно натянутая струна. За обвинениями прятался страх.

Она была чем-то очень сильно напугана. И это была хорошая зацепка.

Вор громче всех кричит: "Держи вора".

Могла ли она быть убийцей? Нет. Убийство личное, а управляющей и наложнице делить ничего. И всё же она ни разу не спросила, кто первым нашёл тело, а сразу накинулась на Дару с обвинениями. Почему?

Ответ не успел родиться в голове. Коридор сотряс топот. Появились стражи — четверо в чёрных одеждах, с бронзовыми налобными повязками. Шли быстро, чётко, ни с кем не вступая в разговор.

— Всем присутствующим немедленно проследовать в Малый зал, — прозвучал голос одного из них. Не громкий, но такой, что не подразумевал неповиновения. — Допрос начнётся немедленно. Никто не покинет помещение до отдельного распоряжения.

Толпа вздрогнула, как от удара. Кто-то охнул. Несколько девушек бросились друг к другу, вцепились в руки, словно ища опоры. Паника не разразилась — но замерла в горле у всех.

Златоволосая стояла чуть поодаль. Не шевельнулась. Не ахнула. Только слегка отступила в тень колонны и на миг закусила губу, прежде чем снова расправить плечи и вернуться к безупречной осанке. Она всё просчитала. Или пыталась.

Управляющая побелела. Я успела увидеть, как дрожали ее руки, прежде, чем она сцепила их за спиной.

А я уже знала — это не просто допрос. Это охота. И мы все были мишенями.

Малый зал встретил нас холодом и тишиной. Каменные стены напоминали глыбы льда. Здесь не было привычных подушек, ковров или ароматов масел. Только гулкое эхо шагов и запах старого камня.

Нас рассадили вдоль стен, тесно, плечо к плечу. Служанки, наложницы, даже евнухи — все в равных условиях, но с разной степенью ужаса на лицах.

Вызывали по одному через узкую дверь, ведущую в соседнюю комнату. Те, кого уводили, не возвращались. Никто не знал, что там происходит. Кто-то молился. Кто-то пытался не заплакать. Кто-то — просто смотрел в пол, будто заранее готовил себя к худшему.

Вдруг один из евнухов, сидящий ближе к выходу, сдавленно прошептал:

— Это ты. Ты же дежурил у восточного крыла. Почему именно ты не поднял тревогу?

— Ты с ума сошёл? — отозвался второй, уже громче. — Я был на кухне. У меня есть приказ с печатью! А вот ты — ты исчез на два часа, и никто не знает, где ты был!

Шёпот моментально стих. Все замерли, словно ожидали, кого из них следующего поднимут. Но стража не вмешалась. Им не нужно было мешать — страх уже работал за них.

— Почему из всех погибла именно она?.. — прошелестел шепот справа.

Я повернула голову.

Две наложницы сидели, сжавшись вместе, и едва слышно говорили, но в их голосах не было ни боли, ни сочувствия. Только страх.

— Она была любимицей... Только Фияна могла с ней сравниться, — проговорила одна, почти с благоговением.

Фияна. Златоволосая? Наверняка она.

— Его величию было бы всё равно, если бы умерла кто-то из нас... но Алайя... — Вторая наложница сглотнула. — Теперь на всех убьют.

Слова разлетелись в воздухе, как пепел. Страх рассыпался не криком — тишиной. Он соединил собой десятки людей, но не всех.

Фияна держалась слишком идеально. Даже слишком. Ни одного лишнего движения. Ни единого жеста тревоги. Как будто все было заранее прорепетировано.

Наши глаза встретились через весь зал. В ее взгляде полыхнул огонь, но она вернула себе контроль и отвернулась. Наложница рядом с ней нервно заламывала пальцы.

Управляющей среди нас уже не было. Ее увели первой, еще через пять человек — Дару.

В очередной раз из-за двери вышел стражник. Его шаги глухо отдавались по каменному полу. Раздался шелест одежды, шорох страха — зал застыл. Все взоры обратились к нему, как к вестнику смерти.

Некоторые опустили головы, избегая взгляда. Кто-то замер в мольбе, не осмеливаясь дышать. Я почувствовала, как одна из девушек рядом сжала мне запястье — беззвучно, судорожно.

Стражник обвел взглядом зал. Медленно, выжидаяще. И остановился на мне.

— Ты. За мной.

Я медленно поднялась. Тело подчинилось выученным рефлексам, но внутри всё сжалось в плотный узел. Я чувствовала на себе десятки взглядов: сочувственных, завистливых, испуганных. Кто-то, возможно, надеялся, что я больше не вернусь.

Но я уже вошла в эту игру и собиралась перевернуть ее ход.

Дверь за моей спиной закрылась почти беззвучно, но внутри она отдалась звуком сгинувшей вниз гильотиной. В комнате было прохладно. Пахло воском и чем-то горьким, настойчиво-травяным. Первое, что я увидела — огромный прямоугольник зеркала на стене. Оно тянулось от пола почти до потолка, без рам, идеально чистое, и оттого неестественное.

Разные миры, но одни и те же методы. Я знала, что это не просто зеркало. Кто-то с той стороны наблюдал за каждым вопросом. И я не стала отводить взгляда. Если Он был там, за стеклом — пусть смотрит. Я не пряталась.

Прошло несколько минут, прежде чем другая дверь открылась, и в допросную вошел мрачного вида человек в черном бархатном мундире.

— Сесть, — рявкнул он.

Уголок моего рта дернулся. Намек на издевку, но вошедший чуть не покраснел от злости.

Узел внутри продолжал сжиматься, но я не дала волнению просочиться в голос.

— И это работает? — спросила я ровно.

Вошедший замер на долю секунды. Не от растерянности — от злости, которую не ожидал почувствовать так быстро. В глазах мелькнуло что-то хищное. Он не привык к вопросам. Тем более от тех, кого считают жертвами.

— Очень скоро ты сама всё узнаешь, — процедил он сквозь зубы. — А пока — отвечай, только когда спрашивают.

От зеркала будто повеяло холодом. Я не отвела взгляда.

— Тогда спрашивай, — сказала я, не повышая голоса.

Он нахмурился, будто пытался решить — смеяться или рывкнуть. Внутри него бушевало раздражение, и я это чувствовала. Не потому, что я была дерзкой — а потому, что он не знал, как вести допрос с тем, кто не дрожит.

Молчание длилось чуть дольше, чем было нужно. Я знала это молчание. Оно означало, что в данный момент он ждал команды. Не от себя. Оттуда. С другой стороны зеркала.

И вдруг... Это мелькнуло и исчезло за секунду, но я явно увидела удивление на лице мужчины. И хотя он молниеносно взял себя в руки, но я успела поймать его реакцию на приказ.

— Кто... — он откашлялся и снова напустил грозный тон. — Отвечай, кто убийца?

Я склонила голову набок, как будто его вопрос был странной загадкой, над которой стоило подумать. Внутри всё дрожало от напряжения, но снаружи — ни одного лишнего движения.

— А если я скажу не то имя? Оно вас устроит? Или вы ждёте конкретного?

Он резко выпрямился, но не перебил. Я чувствовала: из-за зеркала сейчас вслушиваются в каждое моё слово. Взвешивают.

— Я скажу, — продолжила я спокойно. — Но не для вас. Для того, кто сидит по ту сторону стекла. Потому что он уже всё понял. Я только подтверждаю.

Я посмотрела прямо в зеркало. И позволила себе самую лёгкую, почти невидимую улыбку.

— Убийство Алайи не было случайным или спонтанным. Все было рассчитано заранее. Тот, кто это спланировал, знал распорядок, обхода стражи, знал, кто и когда сможет найти тело. Убийца расчетлив и методичен. Его целью было устранить Алайю.

— Намекаешь, что убийца Далила? — презрительно выкинул допросчик. — Или ты надеешься, что я озвучу за тебя ту догадку, что стоит тебе жизни?

Я кивнула, показывая, что да - он очень близок. Но все же не совсем.

— Тем интереснее то, как убили Алайю. На горле следы удушения и кинжал в сердце. Если сначала задушить, то зачем закалывать кинжалом? А если сначала вонзить кинжал, зачем душить?

Допросчик прищурился. Ответа у него не было, а у меня был.

— Нападавший сначала вонзил кинжал. Несмертельно, но глубоко. Так он лишил жертву способности сопротивляться и заодно заставил ее страдать. А затем сжал руки на ее горле и стал наблюдать за тем, как покидает Алайю жизнь. Это был момент его торжества. Убийце не интересно было просто убить ее. Ему нужно было торжество, вкус триумфа. Месть.

Мне казалось, что пол под ногами становится тоньше. Как лёд над пропастью. Одно неверное слово — и провал.

Но я не выдала страха и снова слегка улыбнулась.

— Убийц двое. Мотив одной прост, второй — сложен.

Допросчик медленно выдохнул. Слишком медленно, как для человека, не испытывающего напряжения. Он отвёл взгляд — впервые.

— У тебя богатое воображение, — сказал он, но голос звучал глухо. Не так, как в начале. Он ждал, что я сломаюсь. А я выстраивала конструкцию, кирпич за кирпичом, и она стала слишком крепкой, чтобы игнорировать.

— Продолжай, — произнёс он после паузы. Но теперь в его голосе не было приказа. Только необходимость.

Я сглотнула.

Если они решат, что я перешла границу — то всё, что останется от меня, унесут молча и без следа. Но я уже перешла эту грань в тот момент, когда позволила себе думать вслух.

— Первая участница убийства — исполнитель. Она та, кто сделал всё грязное дело. Обычная пешка, не видящей всей картины. Она эмоциональна, ее было легко настроить против Алайи.

Я сделала паузу, глядя на допросчика, а потом снова перевела взгляд в зеркало.

— Вторая — кукловод. Умная. Влиятельная. Тщеславная. Ей было важно не просто устранить Алайю, а устранить её именно сейчас. Потому что Алайя знала что-то, или отказалась подчиниться, или стала больше не нужна. У нее есть власть влиять на наложниц. Только одна женщина подходит под этот профиль.

Я подошла к зеркалу почти вплотную.

— Не так ли, *хозяин*?

ГЛАВА 7

Я не знала, сколько времени прошло с последнего допроса. В гареме не было часов, и день с ночью путались в полумраке залов, но я снова шла по коридорам в сопровождении стражи.

Только коридоры сменились.

Теперь меня окружала такая изысканная роскошь, что воздух будто бы становился гуще и слаще. Мраморные балюстрады отливали прохладной белизной, позолоченный узор на потолке переливался, как рассыпанный мёд, а тончайшая лепнина на стенах напоминала кружево.

В коридоре стоял особый запах — сме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.